

А.А. Коротнев

Поездка на Шпицберген (с рисунками)

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

А11 **А.А. Коротнев**
Поездка на Шпицберген (с рисунками) / А.А. Коротнев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 96 с.

ISBN 978-5-4241-7597-8

ISBN 978-5-4241-7597-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Поѣздка на Шпицбергенъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый очеркъ является результатомъ поѣздки на Шпицбергенъ лѣтомъ сего 1898 года. Благодаря содѣйствію Министерства Народнаго Просвѣщенія, выразившемуся субсидією въ размѣрѣ двухсотъ рублей, а также и помощи со стороны Университета св. Владиміра, давшего на тотъ же предметъ триста руб., авторъ этого очерка имѣлъ возможность, предоставивъ эту сумму въ распоряженіе консерватора университетскаго зоологическаго музея Ю. Н. Семенкевича, совершить вмѣстѣ съ нимъ означенную поѣздку. Нами обоими были собираемы на Шпицбергенѣ всевозможныя коллекціи, какъ зоологическія, такъ и ботаническія (эти послѣднія въ формѣ гербарія). Кромѣ того привезены и ископаемыя растительнаго царства, въ видѣ отпечатковъ различнаго рода листьевъ, свидѣтельствующихъ о богатой флорѣ, южно-европейскаго характера, встрѣчавшейся прежде на Шпицбергенѣ. Кромѣ того Ю. Н. Семенкевичемъ были самостоятельно собраны значительныя коллекціи, какъ на Лофоденскихъ островахъ (въ Свольверѣ), такъ и близъ Дронтхейма, въ глубинѣ фіорда того же имени (въ мѣстечкѣ Венесъ).

Собранныя коллекціи будутъ предметомъ самостоятельнаго и спеціальнаго изслѣдованія, что же касается до предлагаемаго очерка, то онъ имѣетъ цѣлью познакомить читателя съ характеромъ видѣнныхъ мѣстностей, съ тѣми впечатлѣніями, которыя явились результатомъ, такъ сказать, непосредственнаго воспріятія, а потому и носятъ вполне субъективный характеръ.

ГЛАВА I.

Стокгольмъ. Черезъ Скандинавію. Дронтхеймъ и его порядки. На борть парохода. Фіордъ и его особенности. Торгетонъ. Приближеніе къ Лофоденамъ. Опасныя теченія.

Стокгольмъ—слишкомъ близкій сосѣдъ для того, чтобы на немъ долго останавливаться. Очаровательная бухта, геометрически правильный городъ, чистенькіе скверы, памятники вездѣ и всюду—вотъ особенности, которыя бросаются въ глаза каждому туристу. Запасшись въ конторѣ Беннета (Turisten-reisebureau) билетомъ на Шпицбергенъ, мы на слѣдующій день мчались уже по желѣзной дорогѣ въ Дронтхеймъ, откуда должны были на пароходѣ продолжать путь дальше. Кстати, два слова о билетѣ: благодаря ограниченному количеству желающихъ забвуть лѣтомъ и подвергать себя всѣмъ непріятностямъ сѣвернаго морскаго переѣзда, цѣна билета оказывается очень высокою, а именно, отъ Дронтхейма, лежащаго въ Норвегіи на берегу океана, до Шпицбергена и назадъ—480 кронъ съ содержаніемъ на пароходѣ, что составляетъ на наши деньги около 250 руб., такъ какъ крона равняется пятидесяти копейкамъ. Цѣна эта, конечно, немалая, ибо путешествіе пароходомъ продолжается туда пять дней, да столько же назадъ, такимъ образомъ день путешествія обходится въ 25 руб., что превышаетъ вдвое поѣздку по Нилу, которая считается одною изъ дорогихъ. Когда я высказывалъ порицаніе такой эксплуатаціи, приписывая еѣ монополіи Vesteraalen С^о, мнѣ шведы возражали очень основательно: „Вы платите не только за себя, но и за тѣхъ, которые не ѣдутъ“. Такъ оно въ дѣйствительности и есть: оказалось, что отъ Гамерфеста до Шпицбергена пароходъ, могущій свободно вмѣстить

человѣкъ 30, везъ только шестерыхъ пассажировъ, что, конечно, не окупало расходовъ предпринимателей ¹⁾).

Поѣздъ съ умѣренной быстротой (на манеръ нашихъ почтовыхъ) тащитъ насъ въ Дронтхеймъ. Оставаясь въ городѣ, трудно знакомиться съ природою страны, не всегда съ точностью отличишь времени года, дорогою же, изъ вагона, улавливаешь, въ сущности, очень многое. Въ сѣверной половинѣ Скандинавіи весна на цѣлый мѣсяць отодвинула лѣто: такъ, въ половинѣ нашего іюля жасмины, шиповники и липа въ полномъ расцвѣтѣ, дуга испещрены цвѣтами и въ воздухѣ стоитъ сладостный запахъ спѣющей травы и начинающагося лѣта. Сѣнокосъ въ полномъ разгарѣ: сѣно или лежитъ небольшими кучками, или еще чаще нагружено на длинные, подпертые съ обѣихъ сторонъ заборы; мокрое лѣто не даетъ ему иначе высохнуть. Жатва еще не начиналась: рожь и ячмень еще невысоки, а овесъ не вездѣ выметался, и это въ половинѣ іюля. Въ Скандинавіи августа какъ будто не существуетъ, такъ какъ іюльская погода смѣняется осенью: для сѣвернаго жителя — роскошь имѣть три лѣтнихъ мѣсяца, ему достаточно и двухъ. Въ полуторачасовомъ разстояніи отъ Стокгольма, среди плодородной равнины, раскинулась древняя Упсала. Въ центрѣ города высится чудный, готическій соборъ, въ которомъ, наряду съ царственными останками нѣсколькихъ шведскихъ королей, покоится прахъ великаго Линнея. Въ спокойномъ величїи на чудномъ мраморномъ саркофагѣ, среди своихъ двухъ женъ, лежитъ каменное изваяніе Густава Вазы. Готическіе своды производятъ впечатлѣніе необыкновенной легкости и пропускаютъ массу свѣтовыхъ лучей; душа радуется, какъ будто и въ нее проникаетъ частица окружающаго свѣта. Университетъ раскинулся по всему городу, что не удивительно, такъ какъ онъ обладаетъ огромными средствами, значительная часть которыхъ завѣщана Густавомъ Адольфомъ, оставившимъ Упсальскому университету

¹⁾ Для насъ, русскихъ, сообщеніе съ Шницбереномъ возможно еще и другое, а именно — черезъ Архангельскъ. Еженедѣльно отходитъ изъ Архангельска въ Вардѣ пароходъ, очень комфортабельный, съ недурнымъ столомъ, который пробѣгаетъ разстояніе между указанными пунктами въ пять дней и корреспондируетъ съ другимъ пароходомъ, идущимъ въ Гамерфестъ: отъ Вардѣ до Гамерфеста менѣе сутокъ. Далѣе приходится съ „Лофоденомъ“ (пароходомъ, поддерживающимъ сообщеніе съ Шницбереномъ) ѣхать дальше. Путь отъ Гамерфеста до Шницберена и обратно, съ содержаніемъ, обходится въ 360 кронъ, что, конечно, тоже очень дорого.

все свое состояніе. Обширная Aula, нѣсколько лѣтъ тому назадъ отстроенная, составляетъ лучшее зданіе въ городѣ.

Поѣздъ подвигается не безостановочно, пропуская рѣдкую станцію. Кстати должно замѣтить, что вагоны устроены очень покойно и состоятъ изъ отдѣленій, выходящихъ въ общій корридоръ. Что на линіи между Стокгольмомъ и Дронгхеймомъ особенно бросается въ глаза, это—отсутствіе перваго класса, а потому, въ высыпающей изъ вагоновъ публикѣ, нѣтъ такого различія между quasi-аристократіею и плебсомъ, которое поражаетъ у насъ на желѣзныхъ дорогахъ: здѣсь есть достаточные и бѣдные, которые не различаются чванствомъ и не сторонятся другъ отъ друга. На большихъ станціяхъ—ни хаоса, ни толкотни; въ скромномъ, но просторномъ, станціонномъ помѣщеніи двѣ большихъ залы; входъ въ одну стоитъ двѣ, а въ другую—одну крону (для третьяго класса); въ обѣихъ чисто накрытый столъ со множествомъ различнаго рода кушаній и закусокъ. Одно снимается, другое подается здоровыми, крестьянскими дѣвушками тихо и безъ топота. Во всемъ чувствуется простота и здравый смыслъ.

Ѣдемъ дальше. Пейзажъ мало оживленъ: народу въ поляхъ почти не видно; изрѣдка попадаются поселки, состоящіе изъ небольшихъ домиковъ, обязательно окрашенныхъ въ темно-красную краску съ бѣлыми каемочками окошекъ. Шведъ-поселянинъ по характеру добродушенъ, прямъ, но недюдимъ, а потому большинство домиковъ разбросано по участкамъ и въ рѣдкихъ случаяхъ скучено вмѣстѣ, не образуя улицы, а такъ себѣ: гдѣ-попало. Мѣстами видѣются церкви бѣлыя, солидныя, поражающія своимъ холодно-казарменнымъ видомъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше лѣсу, и только мѣста, незанятые лѣсомъ, засѣяны. Лѣсъ хотя и высокій, но жидкій, заваленъ камнями, не отшлифованными, а осколками подпочвенной породы. Чѣмъ дальше, тѣмъ лѣсъ чахлѣе, тѣмъ бѣднѣе почва, которая принимаетъ болотистый характеръ. Сквозь деревья мелькаетъ вода, образующая иногда значительные водоемы, напоминающіе скорѣе наши паводки, чѣмъ озера.

Наступаетъ совсѣмъ свѣтлая петербургская ночь, какой-то блесоватый мракъ одѣваетъ окрестность, которая вслѣдствіе этого принимаетъ еще болѣе унылый характеръ. Къ тому же природа какъ-то тупо молчитъ: когда останавливаешься на станціяхъ и стукъ колесъ умолкаетъ, отсутствіе звуковъ подавляетъ васъ. И такъ мелькаютъ десятки верстъ, а картина не мѣняется. Однако вотъ и утро; просыпаюсь и въ окно глядитъ еще большая скука: по болоту разбро-

сана жердеобразная хвоя, ни дать ни взять тѣ византійскія елочки съ симметрично расположенными вѣточками, которыя такъ охотно живописуютъ наши доморощенные декаденты. Кромѣ елочекъ попадаются и хилыя, корявыя березки въ человѣческой ростъ; почва — мшистое болото. Что-то не-то жалкое, не-то идиотски-тупое чувствуется во всей природѣ, которую, какъ живое существо, настолько же жалѣешь, насколько и презираешь ¹⁾.

Но вотъ и граница Швеціи (Стёрлингъ); послѣ добродушнаго объясненія съ таможеннымъ чиновникомъ мы переваливаемъ въ Норвегію. Какъ передать то изумленіе, которое испытываешь отъ быстро перемѣнившейся панорамы: передъ вами разстилается необозримое пространство, въ которомъ чудныя, темно-зеленыя долины испещрены букетами деревьевъ, изрѣзаны множествомъ серебристыхъ рѣчекъ. Всюду поля съ поспѣвающей жатвою разбросаны красивыми золотистыми пятнами. Свѣжее утро, чудный горный воздухъ вливаютъ бодрость въ усталую душу. И паровозъ какъ-то весело пыхтитъ, врѣзаясь крутымъ поворотомъ въ каменную стѣну преграждающихъ путь утесовъ. Далѣе мы двигаемся собственною тяжестью, наслаждаясь постоянною перемѣною пейзажа. Поѣздъ все круче и круче спускается и, слѣдуя вдоль берега пѣнящагося потока, вскорѣ выбѣгаетъ на прибрежную полосу океана. О, это, конечно, не южныя воды: онѣ не поражаютъ густотою красокъ; онѣ, напротивъ, пріятно серебрятся и, если хотите, производятъ болѣе гармоничное впечатлѣніе. Чайки бороздятъ гладкую поверхность и затѣмъ быстрыми движеніями прорѣзываютъ спокойный воздухъ. Красиво и празднично высматриваютъ часто смѣняющіяся станціи; всюду цвѣты—и въ окнахъ, и въ палисадникахъ. Но вотъ и Дронтхеймъ ²⁾, или Троніемъ, какъ норвежцы его называютъ. Самый сѣверный изъ большихъ городовъ Европы (не

¹⁾ Въ климатическомъ отношеніи эта провинція, населенная уже кочующими лапландцами, напоминаетъ, по словамъ Бедекера, сѣверную Сибирь (устье Лены и Енисея).

²⁾ Дронтхеймъ, подобно Упсалѣ для Швеціи, есть колыбель Норвегіи: здѣсь норвежскіе короли вѣнчались на царство. Истиннымъ основателемъ города считается св. Олафъ (1016 году). Впрочемъ городъ началъ процвѣтать только послѣ его смерти; тѣло его было въ соборѣ выставлено въ ракъ и привлекало огромное количество богомольцевъ, что и положило основаніе богатству города; но затѣмъ Дронтхеймъ былъ жестоко опустошаемъ чумою, гражданскими войнами и, главнымъ образомъ, пожарами. Потомъ, подъ вліяніемъ идей реформаціи, культъ Олафу былъ уничтоженъ и драгоцѣнныя останки его были неизвѣстно гдѣ погребены.

считая Архангельска): въ немъ 25,000 жителей. Прямая и широкія улицы, обстроенныя нарядными деревянными двухъ-этажными домами съ блестящими зеркальными окнами, за которыми прячется всякая дребедень, служащая приманкою для скучающихъ туристовъ; прекрасный, совершенно европейскій, отель; готическій соборъ, стрѣбашійся пятуо сотню лѣтъ, съ заунывно-гулкими часами; полисмены въ каскахъ прусскаго образца; яркая зелень подстриженныхъ газоновъ — вотъ первыя впечатлѣнія знакомящагося съ городомъ туриста. Холодная сѣверная безстрастность представляетъ собою общій отпечатокъ, но это только днемъ. Стѣбитъ прекратиться торговому движенію и магазинамъ закрыться для того, чтобы habitus города совсѣмъ перемѣнился: беззастрѣнчивая разнузданность широкимъ потокомъ разливается по улицамъ.

Пріѣхавъ въ Дронтхеймъ въ субботу, я только послѣ двухъ часовъ дня сталъ искать спирта (для коллекцій); оказалось, что съ полудня субботы и вплоть до понедѣльника въ городѣ даже пива нельзя достать. Общества трезвости пользуются въ Норвегіи большимъ распространеніемъ; эти послѣднія добились того, что цѣна спирта вдвое больше винограднаго вина (литръ спирта стоитъ 3¹/₂ кроны, тогда какъ порядочное, виноградное вино можно имѣть за 1¹/₂ кроны). Нравственныя сентенціи, которыя въ изобиліи преподаются населенію въ формѣ проповѣдей и лекцій, мало помогаютъ дѣлу: алкоголизмъ и количество незаконнорожденныхъ дѣтей въ Норвегіи въ процентномъ отношеніи превосходятъ другія государства континента.

Девять часовъ утра; сѣверная, бодрящая свѣжесть, пронизанная грѣющими, солнечными лучами, разлита въ воздухъ. На борту, сравнительно, небольшого парохода (Vesteraalen), имѣющаго доставить насъ изъ Дронтхейма въ Гамерфестъ, множество пассажировъ, ѣдущихъ навстрѣчу, очень модному въ настоящее время, полуночному солнцу. „Да неужто все это на Шпицбергенъ?“ — съ ужасомъ думается мнѣ; къ счастью, вскорѣ выясняется, что изо всей массы на Шпицбергенъ направляются только два Тартарена, вооруженные, какъ французы говорятъ, „до зубовъ“ на случай встрѣчи съ бѣлымъ медвѣдемъ, одна дама и какой-то добродушно-скучающій джентльменъ, австріецъ родомъ. Остальная компанія высаживается гдѣ-попало, преимущественно же

на Лофоденскихъ островахъ, которые начинаются, сейчасъ же, за полярнымъ кругомъ.

Дронтхеймъ запрятанъ въ глубинѣ фіорда того же имени; стѣны фіорда представляются каменными громадами, причудливо изрѣзанными и покрытыми темнозеленою хвоею, смягчающею ихъ основной, угрюмый, сѣрый колоритъ. Часа два мы бѣжимъ, не спѣша, по фіорду, а затѣмъ выходимъ въ открытое море, придерживаясь однако берега. Каждые два или три часа пароходъ останавливается у станціи, представляющей собою жалкій поселокъ, состоящій изъ двухъ или трехъ домиковъ, разбросанныхъ среди небольшихъ блѣдно-зеленыхъ пастбищъ въ рамѣхъ бесплодныхъ скалъ. Станція состоитъ въ большинствѣ случаевъ изъ домика рыбнаго торговца, его складовъ и почтово-телеграфной конторы. Уже болѣе десяти лѣтъ, какъ въ Норвегіи, руководствуясь надобностями рыбаковъ, устроена прибрежная телеграфная линія вдоль всего берега вплоть до Вадзё, небольшого городка, находящагося на востокъ отъ Гамерфеста, недалеко отъ русско-норвежской границы.

По всему норвежскому берегу, начиная съ Дронтхейма, расположено только пять небольшихъ городковъ: Бодо, Тромзё, Гамерфестъ, Вардэ и Варзё, не считая еще нѣсколькихъ незначительныхъ поселковъ. Правда, на картѣ встрѣчается цѣлый рядъ названій, обозначенныхъ крупнымъ шрифтомъ, но это только административные или религіозные центры, резиденціи *landsmann'a* (полицейскаго), или *kirkenplads* (церковь и жилище пастора), но жители, не считая самого *landsmann'a* или пастора съ его семьей, здѣсь отсутствуютъ, такъ какъ прихожане или подчиненные здѣсь разсѣяны по всему горизонту на островахъ или берегахъ фіордовъ. Такое одиночество отвѣчаетъ, подобно шведу, также и характеру норвежца, который въ качествѣ колониста ищетъ лѣса и пустыни, и совершенно непонятно славянину; у перваго — индивидуализмъ и независимость, у втораго же — инстинктъ ассоціаціи, панибратства и общности.

На фонѣ блѣднаго неба вырисовывается мало-по-малу мрачный куполъ Торгетона, — горы, пронизанной на значительной высотѣ естественною галлереею, чрезъ которую просвѣчиваетъ клочекъ голубаго неба; увидеть этотъ клочекъ составляетъ заботу пассажировъ, которымъ капитанъ парохода тутъ же рассказываетъ незамысловатую легенду о томъ, какъ два великана поспорили изъ-за красавицы, которую одинъ изъ нихъ похитилъ, а другой послалъ ему въ догонку стрѣлу, не попавшую въ цѣль и пронизавшую гору. По мѣрѣ того, какъ мы

подвигаемся, одна неожиданность смѣняется другою; такъ, мрачный Торгетонъ быстро уступаетъ свое мѣсто цѣлой цѣпи свѣжныхъ вершинъ, называемыхъ семью сестрами, которыя какъ бы преграждаютъ намъ дальнѣйшій путь.

Начиная отсюда, острова становятся все выше и выше, и пароходъ мѣстами идетъ узкимъ, скалистымъ корридормъ, поражающимъ своею дикою прелестью и своимъ печально-мрачнымъ характеромъ; этому послѣднему яркій солнечный свѣтъ не гармонируетъ: онъ слишкомъ обезличиваетъ окружающую обстановку. Море отъ такого изобилія свѣта на становится, до иллюзіи, синимъ, какъ на Югѣ, а сохраняетъ свою бѣлесоватость, но за-то контуры скалъ сливаются и темныя пятна береговъ пропадаютъ. Норвежскому пейзажу нуженъ умѣренный свѣтъ, нужны рыхлыя облака, цѣпляющіяся за вершины горъ: скандинавскіе художники это поняли, а потому и избѣгаютъ, на своихъ ландшафтахъ, яркаго освѣщенія. Почти на всемъ пространствѣ Норвегіи береговая линія представляетъ собою гигантскій обрывъ, прерываемый фіордами и покрытый со стороны открытаго моря цѣпью острововъ, которые какъ бы изрѣдка прерываются и даютъ проглянуть въ безбрежную синеву океана; благодаря такой конфигураціи водная пелена фіордовъ представляется всегда невозмутимо-гладкою, отражающею, какъ въ зеркалѣ, причудливыя очертанія, окружающихъ скалъ. Начиная съ Дронтхейма и до Лофоденскихъ острововъ пароходъ все время жметя къ берегу. Хорошо такъ ѣхать днемъ, а въ зимнію, непроглядную ночь, когда приходится пробираться ощупью, „какъ тогда?“ — спрашиваемъ мы капитана.

— Дѣло въ томъ, — отвѣчаетъ онъ, — что во всемъ мірѣ нѣтъ такихъ лоцмановъ, какъ наши.

— Позвольте, да у васъ даже береговыхъ огней нѣтъ.

— Намъ они не нужны; намъ помогаетъ сѣверное сіяніе. Да и къ тому же, смѣйтесь, если хотите, мы чувствуемъ приближеніе скалъ. Несмотря на страшно сильное теченіе мѣстами, прибавляетъ онъ, за послѣдній годъ у береговъ Норвегіи не было ни одной аварии.

Кстати нужно замѣтить, что въ группѣ Лофоденскихъ острововъ замѣчается одно очень оригинальное явленіе, а именно: при отливѣ воды, находящіяся между островами и материкомъ Норвегіи, не поспѣваютъ за водами океана: эти послѣднія отливаютъ сильнѣе, почему и получается значительная разница въ уровнѣ. Во время при-

лива получается обратное явленіе: узкіе промежутки между островами не пропускаютъ всю, нахлынувшую со стороны океана, воду, а потому и уровень между континентомъ и островами становится значительно ниже, чѣмъ въ открытомъ морѣ. Особенно сильно теченіе между островами Москенесъ и Веро и горе неопытнымъ рукамъ, которыя вздумаютъ бороться со всеокрушающей силою потока.
